

Трумен Капоте

Автор бестселлеров
«Хладнокровное убийство»,
«Летний круиз»,
«Другие голоса, другие комнаты»,
«Музыка для хамелеонов»

Завтрак у Тиффани

PREMIUM

Трумен Капоте
Завтрак у Тиффани.
Голоса травы (сборник)
Серия «Азбука Premium»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=34330456

*Завтрак у Тиффани; Голоса травы: повести / Трумен Капоте: Азбука,
Азбука-Аттикус; СПб.; 2017
ISBN 978-5-389-15144-4*

Аннотация

Трумен Капоте, автор таких бестселлеров, как «Хладнокровное убийство», «Летний круиз», «Другие голоса, другие комнаты» и «Музыка для хамелеонов», входит в число крупнейших американских прозаиков XX века. Вниманию читателя предлагаются две его классические повести: лирическая «Голоса травы», публикующаяся в новом переводе, а также самое знаменитое произведение Капоте, прославленное в 1961 году экранизацией с Одри Хепберн в главной роли, сыгравшей главную героиню повести Холли Голайтли, одну из самых ярких и необычных женщин американской литературы. Эксцентричную, полную жизни Холли влечет к себе мир богатых людей, сверкающий яркими огнями бриллиантовых коле. Руководствуясь в своих поступках лишь голосом сердца,

сочетая детскую наивность с чарующим обаянием настоящей женщины, она как бы воплощает в себе самую сущность Нью-Йорка – города, в котором мечты лежат на расстоянии вытянутой руки, отгороженные блестящими стеклами пленяющих взгляды витрин.

Содержание

Голоса травы	6
Глава первая	6
Глава вторая	34
Глава третья	60
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Трумен Капоте
Завтрак у Тиффани,
Голоса травы
Сборник

Truman Capote

Breakfast at Tiffany's, The Grass Harp

THE GRASS HARP Copyright © 1951 by Truman
Capote

BREAKFAST AT TIFFANY'S Copyright © 1958 by
Truman Capote

© С. Таск, перевод, 2015

© В. Голышев, перевод, 2001

© Издание на русском языке, оформление. ООО
«Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2015
Издательство АЗБУКА®

Голоса травы

Посвящается мисс Сук Фолк, чью глубокую и искреннюю привязанность мне не забыть

Глава первая

Когда я впервые услышал о голосах травы? Задолго до того, как мы поселились в кроне персидской сирени. Стало быть, не этой, а предыдущей осенью. А рассказала мне о ней не кто иная, как Долли; больше никто до такого бы не додумался: голоса травы.

Если вы выйдете из церкви за пределы города, то вам не миновать заметного холма с белыми, как кости, могильными плитами и выгоревшими бурыми цветами – баптистское кладбище. Там покоится местный люд: Талбо, Фенвики, моя мать с отцом и многочисленная родня – два десятка могил, распространившихся во все стороны, подобно корням каменного дерева. У подножия холма раскинулась прерия, поросшая высокой ковыль-травой, меняющей окраску по сезону; осенью, в конце сентября, она может поспорить с закатным солнцем, алые тени пробегают по ней огневыми сполохами, и ветер извлекает из сухих побегов живую музыку, голос арфы.

За прерией темнеет прибрежный лес. Вероятно, в один из таких сентябрьских дней, когда мы собирали в лесу коренья, Долли и сказала: «Ты слышишь? Это прерия рассказывает человеческие истории. Она знает все про тех, кто лежит на холме, кто жил когда-то, а когда мы умрем, расскажет и про нас».

После смерти мамы мой отец, коммивояжер, пристроил меня к своим незамужним кузинам, Верене и Долли Талбо, родным сестрам. Раньше меня не пускали к ним на порог. По невыясненным причинам Верена и мой отец не общались. То ли папа попросил у нее взаймы, а она отказала, то ли дала ему в долг, а он не вернул. Но можно не сомневаться, что все упиралось в деньги, так как для обоих не существовало ничего важнее, особенно для Верены, богаче которой не было никого в нашем городе. Аптека, галантерея, бакалейная лавка, бензозаправочная, контора принадлежали ей, а чтобы всем этим завладеть, потребовалась железная воля.

Короче, папа сказал, что ноги его не будет в ее доме. О сестрицах Талбо он говорил страшные вещи. Сплетня о том, что Верена «мафродит», жива и поныне, но особенно мою мать возмущали его издевки над мисс Долли Талбо; постыдился бы потешаться над тихой безобидной женщиной, говорила она.

Мне кажется, они очень любили друг друга. Мама плакала всякий раз, когда он уезжал торговать бытовой техникой. Она вышла замуж в шестнадцать и не дожила до тридцати. В

день ее смерти папа сорвал с себя всю одежду и, выкрикивая ее имя, голый выбежал во двор.

На следующий день после похорон к нам пожаловала Верена. Помню, с каким ужасом я наблюдал за ее приближением: по дорожке шла худая, как плеть, красивая женщина с седыми прядками волос, черными мужеподобными бровями и кокетливой родинкой на щеке. Она открыла дверь и по-хозяйски прошла в дом. Тут надо сказать, что папа после похорон принялся ломать вещи, не в бешенстве, а спокойно и методично: забредет в гостиную, возьмет в руки какую-нибудь фарфоровую фигурку, секунду поразмышляет – и разобьет об стену. Пол и лестница были усеяны осколками стекла и разбитой посуды, на перилах висела, вся разодранная, одна из маминых ночных рубашек.

Верена окинула взором следы разгрома.

– Юджин, мне надо с тобой поговорить, – произнесла она дружеским, холодновато-приподнятым тоном, и папа ей ответил:

– Верена, ты садись. Я ждал, что ты придешь.

В тот же день к нам заглянула Доллина подружка, Кэтрин Крик, и собрала мои вещи, а папа привез меня к представительному дому в тени деревьев на улочке Талбо. Он попытался меня обнять, когда я вылезал из машины, но я с перепугу выскользнул из его рук. Жаль, что мы тогда не обнялись. Потому что несколько дней спустя по дороге в Мобил его машина пошла юзом и упала в пропасть, пролетев пять-

десять футов. Когда я снова его увидел, у него на веках лежали серебряные доллары.

Если раньше на меня никто не обращал внимания, ну разве отмечали, какой я коротышка, то теперь на меня показывали пальцем: «Бедняжка Коллин Фенвик». Я старался выглядеть жалким, зная, что всем это нравится; каждый встречный и поперечный угощал меня стаканчиком лимонада или карамельным батончиком с орехами, а в школе я впервые получал хорошие отметки. Поэтому прошло довольно много времени, прежде чем я успокоился и обратил внимание на Долли Талбо.

И сразу в нее влюбился.

А представьте, каково было ей – в доме появился шумный, всюду сующий свой нос одиннадцатилетний мальчишка. Заслышав мои шаги, она уносилась прочь, а если уж некуда было деваться, закрывалась, как скромница-роза, складывающая свои лепестки. Она была из тех, кто легко выдает себя за предмет обстановки или тень в углу – вроде есть, а вроде и нет. Она носила бесшумные туфли и простые платья до самых лодыжек – вылитая девственница. Хотя она была старше своей сестры, казалось, будто та ее удочерила, как впоследствии усыновила меня. И, попав в гравитационное поле планеты Верена, мы вращались вокруг нее, каждый по своей орбите, в разных уголках дома.

Чердак, этакий запущенный музей, заселенный старыми манекенами-призраками из вышеупомянутого галантерей-

ного магазина, еще был примечателен гуляющими половницами, раздвинув которые можно было заглянуть практически в любую комнату. Доллина, в отличие от остальных, заставленных громоздкой строгой мебелью, ограничилась кроватью, конторкой с зеркалом и стулом. Ее можно было бы принять за монашескую келью, если бы не одно обстоятельство: потолок, стены и даже пол выкрашены в чудной розовый цвет.

Всякий раз, когда я за ней подсматривал, Долли занималась одним из двух: или, стоя перед зеркалом, подстригала садовыми ножницами и без того короткие седые с желтизной волосы, или что-то писала в коленкоровом блокноте чернильным карандашом, периодически облизывая кончик и иногда как бы пробуя на язык записываемую фразу: «Не ешьте сладкое. Конфеты и соль – верная смерть». Сейчас-то я знаю, что она писала письма, но поначалу это было для меня загадкой. Кроме Кэтрин Крик, единственной своей подруги, она ни с кем не виделась, а из дому выходила с той же Кэтрин не чаще чем раз в неделю, чтобы собрать в лесу ингредиенты для настойки от водянки, которую она варила и разливала по бутылочкам. Позже я узнал, что у нее были клиенты во всем штате, им-то и адресовались все эти письма.

Комната Верены, соединенная с Доллиной коридором, скорее напоминала контору: бюро с закрывающейся крышкой, куча гроссбухов, каталожный шкаф. После ужина, сев за стол и водрузив на нос зеленые наглазники, она перевора-

чивала страницы своих гроссбухов и подсчитывала прибыль далеко за полночь, когда уже гасли уличные фонари. Хотя Верена со многими поддерживала деловые, можно сказать, дипломатические отношения, близких друзей у нее не было. Мужчины ее боялись, а сама она, кажется, побаивалась женщин.

Когда-то она сильно привязалась к жизнерадостной блондинке Моды Лоре Мёрфи, которая какое-то время проработала на почте, пока не вышла замуж за торговца спиртными напитками из Сент-Луиса. Расстроенная Верена публично заявляла, что он ей не пара. Поэтому все удивились, когда она подарила им поездку к Большому каньону в качестве свадебного путешествия. Назад молодожены не вернулись; возле каньона они открыли автозаправочную и изредка посылали Верене свои фотографии, снятые на «кодаке», – источник одновременно радости и печали. Иногда она полночи, даже не открыв свои гроссбухи, сидела за столом, обхватив голову руками и вперившись в разложенные перед ней снимки. Наконец, убрав их подальше, она принималась ходить по комнате с выключенным светом, и вдруг раздавался пугающий вскрик, как будто она, споткнувшись в темноте, упала.

То место на чердаке, откуда я мог заглянуть в кухню, было забаррикадировано чемоданами, словно тюками с шерстью. А ведь именно кухня как центр домашних событий была главным объектом моего интереса: там Долли проводи-

ла бóльшую часть дня, болтая со своей подружкой Кэтрин Крик. Мистер Урия взял последнюю в дом ребенком, когда та осиротела, и она, прислуживая, выросла вместе с сестрами Талбо еще на старой ферме, которую позже приспособили под железнодорожный склад. Долли она называла «сердце мое», а Верену не иначе как «Эта». Кэтрин жила на заднем дворе, во флигеле с серебристой оловянной крышей, увитом вдоль и поперек побегами каролинских бобов, в окружении подсолнухов. Себя она выдавала за индеанку, что вызывало у людей ироническую улыбку: она ведь была темнокожая, вылитый африканский ангел. Хотя, может, и не врала; во всяком случае одевалась она как настоящая индеанка: бирюзовые бусы и столько румян, что можно ослепнуть, ее щеки призывно горели, как задние фары автомобиля. Своих зубов у нее почти не осталось, и она затыкала дырки ватными тампонами, а Верена возмущалась: «Кэтрин, ты же, черт побери, не в состоянии произнести ни одного внятного слова, так пойди уже, Христа ради, к доку Крокеру, и он тебе вставит зубы!» Понять ее было трудно, это правда, и только Долли помогала нам разобраться с этой кашей во рту своей подруги. А Кэтрин было довольно, что Долли ее понимает; они проводили все время вместе, и то, что им хотелось сказать, они говорили друг дружке. Приложив ухо к стропилам, я вслушивался в волнующее журчание женских голосов, стекавших сладкой патокой по обветшалым деревянным стенам.

На чердак вела лестница в бельевом чулане, упиравшаяся в люк. Однажды я полез наверх и вдруг вижу, что люк открыт настежь, а на чердаке кто-то тихо напевает – так мурлычут себе под нос играющие сами с собой маленькие девочки. Я уже собирался вернуться, когда пение смолкло и женский голос спросил:

– Кэтрин?

– Коллин, – ответил я, высовывая голову.

Передо мной возникла нетающая снежинка Доллиного лица.

– Вот где ты бываешь, мы так и подумали. – Ее слабенький голос, казалось, вот-вот разорвется, как папиросная бумага. В чердачной полутьме на меня глядели глаза одаренного человека, горящие, прозрачные, с зеленоватой искрой, как мятное желе, и в них читалось робкое признание: я не представляю для нее угрозы. – Ты играешь здесь, на чердаке? Я говорила Верене, что с нами тебе будет одиноко. – Нагнувшись, она пошарила в недрах бочки. – Ты мне не поможешь? Погляди в такой же. Я ищу коралловый замок и мешочек с разноцветными перламутровыми камешками. Мне кажется, Кэтрин будет рада аквариуму с золотыми рыбками на день рождения. Как думаешь? Когда-то у нас был аквариум с тропическими скатами, так они друг дружку пожрали. Но я помню, как мы поехали их покупать, аж в Брютон, за шестьдесят миль. Так далеко я никогда не ездила и вряд ли еще когда-нибудь поеду. Ага, вот он, замок!

А вскоре я обнаружил и камешки, похожие на кукурузные зерна или на леденцы.

– Хотите леденец? – Я протянул ей мешочек.

– О, благодарю, – сказала она. – Обожаю леденцы, даже если они на вкус обыкновенные камешки.

Мы стали друзьями. Долли, Кэтрин и я. Мне было одиннадцать, и вот уже шестнадцать. Славы не прибавилось, но это были счастливые годы.

Я никого не приводил к себе и не собирался этого делать. Однажды я повел девушку в кино, а когда провожал ее домой, она спросила, нельзя ли ей ко мне зайти выпить воды. Если бы ее и вправду мучила жажда, я бы не отказал, но это было притворство, она просто хотела заглянуть внутрь, как и многие другие, поэтому я ей сказал, чтобы потерпела до дома. А она мне: «Всем известно, что Долли Талбо ненормальная, и ты тоже такой». Вообще-то, она мне нравилась, но тут я ее пихнул, и она пообещала, что ее брат начистит мне вывеску. Так и произошло: у меня на всю жизнь остался шрам у рта, куда он мне врезал бутылкой кока-колы.

Ну да, все говорили, что Долли – это Веренин крест и что в доме на улочке Талбо происходит такое, что ни в сказке сказать, ни пером описать. Им виднее. Но для меня это были счастливые годы.

Зимой меня встречали из школы так: Кэтрин сразу открывала банку варенья, а Долли ставила на плиту огромный кофейник и совала в духовку сковороду с бисквитами,

а когда она потом открывала духовку, по всей кухне распространялся запах горячей ванили. Долли, законченная сластена, постоянно пекла кексы, хлеб с изюмом, разное печенье и сливочную помадку; к овощам она даже не прикасалась, а из мясного ей нравились только куриные мозги величиной с горошину, которые проглатываешь, даже не успев толком распробовать. Из-за дровяной печи и открытого камина кухня была теплая, как коровий язык. Все, что удавалось зиме, это покрыть окна изморозью, обдав их своим холодновато-голубоватым дыханием. Если какой-нибудь волшебник пожелает сделать мне подарок, пусть это будет бутылка с голосами нашей кухни, с переливами смеха и надтреснутым бормотком огня, с ароматами сливочного масла, сахара и печеного теста – только без запаха Кэтрин, роднившего ее со свиноматкой по весне. Наша кухня больше напоминала уютную гостиную с вязаным ковриком и креслами-качалками, с фотографиями котят, к которым Долли питала слабость, с геранью, что цвела круглый год, с аквариумом Кэтрин, стоявшим на столе, покрытом клеенкой, а в нем золотые рыбки, помахивая хвостами, проплывали под арками кораллового дворца. Иногда мы составляли кроссворды, поделив между собой фишки, и если Кэтрин видела, что кто-то может закончить игру раньше ее, то она свои фишки прятала. Они помогали мне с домашними заданиями; вот где сыр-бор. Долли была докой во всем, что касалось природы; она обладала нутряным чутьем пчелы, знающей, где растет самый лакомый цветок;

она могла за день предсказать бурю или усыпанную ягодами смоковницу, привести тебя в грибное место, или к дуплу, где можно собрать дикий мед, или к потаенному гнезду, где цесарка отложила яйца. Стоило ей только оглядеться, как она уже понимала, что к чему.

Но по части домашних заданий Долли, как и Кэтрин, была полным профаном.

– Америка называлась Америкой задолго до Колумба. Ну да, иначе откуда бы ему знать, что он открыл Америку?

Ей вторила Кэтрин:

– Верно. «Америка» – это старое индейское слово.

Из них двоих круче была Кэтрин: она настаивала на собственной непогрешимости, и если ты не писал строго под ее диктовку, она начинала дергаться и проливала кофе. Но после ее высказывания про Линкольна – что он был наполовину негром, наполовину индейцем, с белой крапинкой – я перестал ее слушать. Даже я знал, что это не так. И все же я перед Кэтрин в долгу; если бы не она, еще не факт, что я дотянул бы до нормального человеческого роста. В четырнадцать лет я был не выше, чем Бидди Скиннер, а ведь его, я слышал, приглашали в цирк.

Не волнуйся, дружок, говорила мне Кэтрин, тебя просто надо чуть-чуть растянуть. Она меня тащила за руки и за ноги, даже за голову, как будто это яблоко, не желающее расставаться с веткой. И вот вам, пожалуйста: за два года она меня растянула с четырех футов девяти дюймов до пяти фу-

тов семи дюймов, что доказывают зарубки хлебным ножом на дверном косяке в буфетной; пусть много с тех пор воды утекло, пусть в печке гуляет ветер, а на кухне поселилась зима, эти зарубки остаются живыми свидетелями.

Хотя в целом Доллино лекарство оказывало благотворное воздействие на заказчиков, порой приходили и такие письма: «Дорогая мисс Талбо, нам больше не понадобится настойка от водянки, так как несчастная кузина Белль, – (имена менялись), – на прошлой неделе умерла, упокой Господь ее душу». Тогда наша кухня превращалась в место скорби: сложив перед собой руки и качая головами, мои подружки с горечью вспоминали обстоятельства этого дела, и Кэтрин говорила: «Долли, сердце мое, мы сделали все, что могли, но Всевышний решил иначе». Верена тоже умела подпортить настроение, постоянно вводя новые правила или восстанавливая старые: «Делайте, не делайте, стоп, начали»; мы для нее были часами, и она следила за тем, чтобы мы тикали синхронно с ней, и горе нам, если мы убегали на десять минут вперед или на час отставали, – тут же раздавался голос кукушки Верены. «Эта!» – восклицала Кэтрин, на что Долли отзывалась: «Ш-ш-ш! Ш-ш-ш!» – словно желая угомонить не столько подругу, сколько взбунтовавшийся внутренний голос. Я думаю, Верена в душе желала быть своей в кухне, но она скорее напоминала мужчину в доме, где много женщин и детей, и единственным доступным для нее способом установить с нами контакт были эмоциональные взры-

вы: «Долли, избавься от этого кота, если ты не хочешь, чтобы у меня разыгралась астма! Кто оставил в ванной льющуюся воду? Кто сломал мой зонтик?» Ее дурное настроение растекалось по дому, как едкий желтый туман. «Эта!» – «Ш-ш-ш, ш-ш-ш!»

Раз в неделю, обычно по субботам, мы отправлялись в лес на весь день. Кэтрин жаривала цыпленка и посыпала специями дюжину сваренных вкрутую яиц, а Долли паковала шоколадный слоеный пирог и запас волшебной помадки. И вот, укомплектованные, с тремя пустыми мешками из-под зерна, мы шли церковной дорогой мимо кладбища и дальше через поле с ковыль-травой.

Перед самым входом в лес росла двуствольная персидская сирень, то есть на самом деле два дерева, но их ветви так переплелись, что можно было перелезть с одного на другое, к тому же их соединял шалаш, просторный, основательный, всем шалашам шалаш, такой большой плот в лиственном море. Мальчишки, его построившие, если они, конечно, живы, должны быть глубокими стариками, ведь ему уже было лет пятнадцать-двадцать, когда Долли впервые его обнаружила, а к тому времени, когда она показала его мне, прошло еще четверть века. Попасть в него было не труднее, чем подняться по лестнице: ставишь ноги на сучки, а руками хватаешься за надежные вьющиеся стебли; даже Кэтрин с ее грузными бедрами и жалобами на ревматизм запросто одолевала подъем. Но любви к шалашу она при этом не испытывала. Она

не понимала, в отличие от Долли, объяснившей мне, что это корабль, на котором ты плывешь вдоль затуманенного берега наших грёз. Помяните мое слово, говорила Кэтрин, эти старые доски держатся на гуляющих гвоздях, и когда доски подломятся, наши головы треснут вместе с ними.

Оставив провизию в шалаше, мы рассредоточились по лесу, каждый со своим мешком для лечебных трав и листьев и особых корешков. Никто, даже Кэтрин, не знал, что входит в настойку от водянки, Долли держала это в тайне, и нам не разрешалось заглядывать в ее мешок, который она прижимала к себе так, будто прятала там младенца с голубыми волосами, заколдованного принца. Вот ее рассказ:

– Давным-давно, в далеком детстве, – (Верена еще не распрощалась с молочными зубами, а Кэтрин была ростом со столбик в ограде), – здесь бывало цыган не меньше, чем птиц в зарослях ежевики, – не то что сейчас, когда за целый год тебе встретятся трое или четверо. Объявлялись они по весне, неожиданно, как розовые побеги кизила, причем повсюду – на дороге, в окрестных лесах. Нашим мужчинам они не нравились, папа, твой внучатый дядя Урия, говорил, что застрелит любого, если поймает его на нашем участке. Поэтому я помалкивала, что видела, как цыгане набирали воду в нашей речке или зимой воровали попадавшие на землю орехи пекан. Как-то раз, в апреле, я пошла под дождем в хлев, где недавно отелилась Пеструха, и там увидела трех цыганок – двух старух и одну молоденькую, совсем голую, которая ело-

зила на ложе из кукурузной ботвы. Когда они поняли, что я их не боюсь и не побегу на них доносить, одна из старух попросила меня принести огарок. Я пошла в дом за свечой, а когда вернулась, та, что меня послала, держала за ножки, вниз головой, красного кричащего ребеночка, а вторая доила Пеструху. Я им помогла искупать младенца в теплом молоке и завернуть его в шаль. А потом одна старуха взяла меня за руку и сказала: «Сейчас я тебя обучу стишку, это мой тебе подарок». Стишок был про вечнозеленую кору и стрекоз в зарослях папоротника, в общем, про все, что мы находим в нашем лесу. «Вари травку-золотянку, чтобы вылечить водянку». Утром цыганок уже не было. Я искала их в поле и на дороге, но все, что мне от них осталось, это выученный стишок.

Переключаясь, ухая, как совы среди дня, мы трудились все утро в разных уголках леса, а в полдень с мешками, набитыми ободранной корой и нежными кореньями, снова забирались в зеленую паутину персидской сирени и раскладывали провизию. У нас была проточная вода в стеклянной банке, а в термосе горячий кофе на случай, если кто-то продрогнет, ну а жирные от цыпленка и липкие от помадки пальцы мы вытирали скомканными листьями. Позже, когда мы гадали по цветам и рассказывали друг другу свои сны, нам казалось, что мы плывем сквозь остановившееся время на зеленом плоту, мы были такой же неотъемлемой частью дерева, как посеребренные солнцем листья и усевшийся на ветку

козодой.

Примерно раз в году я навещаю к дому на улочке Гал-бо и заглядываю во двор. И вот вчера я там наткнулся на перевернутую старую чугунную бочку; она лежала в лопухах, точно упавший черный метеорит. Когда-то Долли стояла над ней, вытряхивая из мешков в кипящую воду наши травяные сборы и помешивая бурое, как табачный плевок, варево спеленной ручкой метлы.

А мы с Кэтрин, подручные ведьмы, наблюдали со стороны. Позже мы помогли ей разливать варево по бутылкам, а поскольку от него шли испарения, которые выбивали обычную пробку, я скручивал специальные затычки из туалетной бумаги. Продавалось в среднем шесть бутылок в неделю, по два доллара каждая. Вырученные деньги, решила Долли, принадлежали всем троим, и мы их сразу спешили потратить. Мы заказывали все подряд по рекламе в журналах: «Учись резьбе по дереву», «Пачизи: игра для старых и молодых», «Базука доступна любому». Однажды мы послали деньги за самоучитель французского языка. Моя идея: у нас будет свой тайный язык, недоступный для Верены и прочих. Долли захотела попробовать, но дальше «*Passez-moi*¹ ложку» у нее не пошло, а Кэтрин, выучив «*Je suis fatigué*»², больше книжку не открывала, так как ей этого вполне хватило.

Верена, хотя и поговаривала, что, если кто-то отравится, у

¹ Передайте мне (*фр.*).

² Я устала (*фр.*).

нас будут неприятности, особого интереса к настойке от водянки не проявляла. Но в один прекрасный день мы подсчитали прибыль за год и поняли, что с нее надо платить налоги. Тут уж Верена начала задавать вопросы: для нее деньги были этакой дикой кошкой, по следу которой она кралась, как опытный охотник, приглядываясь к каждой сломанной веточке. Какие ингредиенты, желала она знать, входят в настойку? Долли была польщена таким интересом и чуть не хихикала, однако замахала руками и ответила уклончиво: «Да разные, ничего особенного».

Верена вроде как оставила эту тему, притом что за ужином она частенько задумчиво посматривала на сестру, а однажды, когда мы втроем собрались во дворе вокруг бочки с варевом, я глянул вверх и увидел в окне Верену, пристально следившую за всем процессом. Я думаю, к тому времени она уже составила план действий, но первый шаг был сделан летом.

Два раза в году, в январе и в августе, Верена ездила за покупками в Сент-Луис или Чикаго. В то лето, когда мне исполнилось шестнадцать, она отправилась в Чикаго и через две недели вернулась в сопровождении некоего доктора Морриса Ритца. Естественно, все задавались вопросом, кто такой Моррис Ритц. В галстук-бабочке и развеселых пестрых костюмах, с синими губами и блестящими бегающими глазками, он напоминал мерзкую мышь. Говорили, что он поселился в лучшем номере отеля «Лола» и на ужин ест

стейки в «Кафе Филадельфия». Он ходил по улицам с важным видом, вертя напомаженной головой в сторону каждого встречного. Друзей у него не было, и появлялся он исключительно в компании Верены, при этом она ни разу не привела его в дом и никогда не упоминала его имени, пока однажды Кэтрин, набравшись наглости, не спросила: «Мисс Верена, а кто этот смешной человечек доктор Моррис Ритц?» Тут Верена побелела и ответила: «Не вижу в нем ничего смешного, в отличие от некоторых».

Отношения Верены с коротышкой-евреем из Чикаго люди находили скандальным: он был на двадцать лет моложе ее. Пронесся слухок, что они чем-то занимаются на старом консервном заводе в другом конце города. И вправду занимались, как выяснилось позже, но не тем, о чем думали парни в бильярдной. Почти каждый день все видели, как Верена и доктор Моррис Ритц направлялись в сторону фабрики – заброшенного, полуразрушенного каменного строения с зияющими провалами вместо окон и просевшими дверями. Лет десять никто туда не заходил, кроме школьников, куривших там сигареты и устраивавших обнаженку. И вот в начале сентября из заметки в «Курьере» мы узнали, что Верена купила консервный завод, только там не говорилось, что она собирается с ним делать. А вскоре Верена велела Кэтрин нарезать двух кур, так как в воскресенье к нам на ужин пожелает доктор Моррис Ритц.

За все время, что я там жил, Моррис Ритц был единствен-

ным, кого пригласили на улочку Талбо поужинать. В общем, по многим причинам это было событие. Кэтрин и Долли сделали весеннюю уборку: выбили ковры, принесли с чердака китайский фарфор, натерли во всех комнатах полы, заблестевшие от воска и лимонного глянца. Гости ждали жареные цыплята и ветчина с английским горошком и сладким картофелем, рулеты, банановый пудинг, два разных сладких торта и фруктовое мороженое из дежурной аптеки.

В воскресенье днем Верена зашла в столовую с проверкой; обеденный стол с раскидистым букетом роз персикового цвета в середине и рядами причудливо разложенных серебряных приборов, казалось, накрыт на двадцать персон, а стульев стояло только два. Верена приставила еще парочку, на что Долли отозвалась слабым голосом, что Коллин, если захочет, может ужинать в столовой, но лично она поест вместе с Кэтрин на кухне. Верена топнула ногой:

– Не морочь мне голову, Долли. Это важно. Моррис специально придет, чтобы с тобой познакомиться. И вот что, подними повыше голову, сделай одолжение. Я не могу смотреть, когда ты ходишь понурая.

Долли, не на шутку перепугавшись, спряталась у себя в комнате, и, после того как гость напрасно ее прождал, меня послали за ней. Она лежала на розовой постели с влажной фланелькой на лбу, а рядом сидела Кэтрин, вся такая лоснящаяся и нарумяненная, ну чисто леденец на палочке. Я сразу понял, какое количество ватных тампонов напихала она в

рот, стоило ей прошамкать:

– Солнышко, вставай, а то вконец изомнешь чудное платье.

Это платье из набивного ситца Верена привезла из Чикаго. Долли села на постели, чтобы разгладить складки, и тут же снова легла.

– Скажи Верене, что я ужасно сожалею, – пробормотала она жалобно.

Я вернулся со словами, что Долли заболела. Я сама разберусь, сказала Верена, и удалилась командирским шагом, оставив меня наедине с доктором Моррисом Ритцем. Какой же он был противный.

– Тебе, стало быть, шестнадцать. – Он мне подмигнул своими нахальными глазками, сначала одним, потом другим. – И уже выдрючиваешься, а? Уговори старушку в следующий раз взять тебя с собой в Чикаго. Там тебе будет перед кем повыдрючиваться.

Он прищелкнул пальцами и затопотал своими шик-блеск востроносими туфлями, как будто станцевал водевильный номер; его можно было бы принять за чечеточника или за газировщика, если бы он не ходил с плоским чемоданчиком, что предполагает более серьезные занятия. Интересно, подумал я, что он за доктор; я уже собирался его об этом спросить, но тут вернулась Верена, ведя под локоть сестру.

Ни вечерние тени, ни обитая тканью мебель не могли ее себе присвоить. Не поднимая глаз, она протянула руку, и

доктор Ритц так грубо ее схватил и так крепко сжал, что Долли едва не потеряла равновесие.

– О, мисс Талбо! Для меня это такая честь! – Он лихо завернул свой галстук-бабочку.

Мы сели за стол, и Кэтрин принесла курицу. Она обслужила Верену, затем Долли, а когда очередь дошла до доктора, он заявил:

– Признаться, в курице для меня существуют только мозги. Мэм, у вас, случайно, не осталось на кухне ничего такого?

Кэтрин уставилась на свой кончик носа, так что глаза у нее чуть не съехались к переносице. Путаясь языком в ватных тампонах, она кое-как выдавила:

– Мозги на тарелке у Долли.

– Ох уж этот южный акцент! – ужаснулся он.

– Она говорит, что мозги лежат у меня на тарелке, – пояснила Долли, и щеки у нее стали цвета Кэтринных румян. – Но я буду рада отдать их вам.

– Ну, если вы не возражаете...

– Она нисколько не возражает, – вмешалась Верена. – Она вообще ест только сладкое. Вот, Долли, возьми банановый пудинг.

Тут доктор Ритц расчихался.

– Эти розы... у меня аллергия...

– Господи! – Увидев возможность сбежать на кухню, Долли схватила хрустальную вазу, но та, выскользнув из рук, упала и разбилась, розы полетели в подливку, а подливка в

нас. – Ну вот, – сказала она сама себе, готовая заплакать, – это безнадежно.

– Нет ничего безнадежного. Долли, сядь и съешь свой пудинг, – сказала ей Верена твердым, ободряющим тоном. – У нас для тебя есть приятный сюрприз. Моррис, покажите ей эти чудесные ярлычки.

Доктор Ритц, перестав стирать с рукава подливку и пробормотав: «Ничего страшного», ушел в прихожую и вернулся с чемоданчиком. Перелистав кипу бумаг, он наконец наткнулся на большой конверт и вручил его Долли.

В конверте обнаружили липучки, треугольные ярлычки с оранжевой надписью «Красавица-цыганка с настойкой от водянки» и нечетким портретом женщины в бандане, с золотыми кольцами серег в ушах.

– Высший класс, а? – сказал доктор Ритц. – Сделано в Чикаго. Нарисовал мой приятель, настоящий художник.

Долли перебирала ярлычки с озадаченно-настороженным выражением лица, пока Верена не спросила ее:

– Ты довольна?

Ярлычки задрожали вместе с пальцами.

– Я не совсем понимаю...

– Все ты понимаешь. – Верена растянула губы в улыбке. – Это же очевидно. Я рассказала Моррису, чем ты занимаешься, и он придумал замечательную надпись.

– «Красавица-цыганка с настойкой от водянки». Очень броско, – похвалился доктор. – То, что требуется в рекламе.

– Для моей настойки? – спросила Долли, не поднимая глаз. – Но мне не нужны ярлычки, Верена. Я все пишу сама.

Доктор Ритц щелкнул пальцами:

– Отличная идея! Ярлычки с как бы рукописным шрифтом. Личное послание, а?

– Мы уже достаточно денег потратили, – окоротила его Верена и повернулась к Долли. – На этой неделе мы с Моррисом едем в Вашингтон оформить авторское право и запатентовать настойку – естественно, на твое имя. Я это к тому, что ты должна прямо сейчас написать формулу лекарства.

Лицо у Долли вытянулось, и все ярлычки веером разлетелись по полу. Опершись на стол, она встала, черты лица постепенно подобрались, она подняла голову и с прищуром поглядела на доктора Ритца, на сестру.

– Так не годится, – тихо сказала она и, сделав несколько шагов, взялась за дверную ручку. – Так не годится. У тебя нет такого права, Верена. И у вас, сэр.

Я помог Кэтрин очистить стол: загубленные розы, неразрезанные торты, овощи, к которым никто не притронулся. Верена покинула дом вместе с гостем; из окна кухни мы видели, как они пошли в сторону центра, покачивая головами. А мы разрезали шоколадный торт и понесли его Долли.

– Ш-ш-ш! Ш-ш-ш! – зашептала она, как только Кэтрин начала перемывать косточки «Этой». Однако взбунтовавшийся внутренний голос быстро перерос в хрипловатый крик, призванный одолеть оппонента: – Ш-ш-ш! Ш-ш-ш! –

так что Кэтрин пришлось ее приобнять со словами:

– Сама ш-ш-ш.

Мы достали колоду миссионерских карт и разложили их на постели. Кэтрин тут же вспомнила, что сегодня воскресенье и мы рискуем получить еще одну черную метку в Книге Судного дня, а впрочем, рядом с ее именем их и без того хватает. Ее слова заставили нас задуматься, и мы решили вместо игры погадать на картах. Уже в сумерках вернулась домой Верена. Мы услышали ее шаги в коридоре, и она вошла без стука. Долли, в этот момент рассказывавшая мне мою судьбу, схватила меня за руку.

Верена сказала:

– Коллин, Кэтрин, вы свободны.

Кэтрин хотела вместе со мной подняться на чердак, но побоялась за свое нарядное платье, так что я поднялся один. Хотя сучковое отверстие открывало отличный вид на розовую комнату, весь обзор закрыла шляпа Верены, которую та забыла снять. Такая соломенная шумовка, украшенная гроздью целлулоидных фруктов.

– Вот факты, – сказала она, и фрукты задрожали, замерцали в голубой дымке. – Две тысячи за старую фабрику. Сейчас там работает Билл Тейтем и еще четверо плотников за восемьдесят центов в час. Уже заказано оборудования на семь тысяч долларов, не говоря уже о гонораре такого специалиста, как Моррис Ритц. И все ради кого? Ради тебя!

– Ради меня? – Опечаленный голос Долли упал, как су-

мерки за окном. Она нервно ходила по комнате, и за ней всюду следовала ее тень. – Мы одной крови и плоти, и я тебя нежно люблю всем сердцем. Я могу это доказать, отдав тебе единственное, что мне принадлежит, и тогда оно станет твоим. Но пожалуйста, Верена, – голос ее дрогнул, – пусть хотя бы эта малость принадлежит мне.

Верена включила свет.

– Ты готова отдать. – В голосе, как и в ее горьком взгляде, было что-то стальное. – Разве я не отдавала тебе все, работая год за годом, словно батрак в поле? Этот дом, эти...

– Ты отдавала мне все, – деликатно перебила ее Долли. – Мне, и Кэтрин, и Коллину. Но мы тоже внесли свой маленький вклад, поддерживая этот дом в чистоте и порядке, разве нет?

– Да уж. – Верена сдернула с головы шляпу. Кровь прилила к щекам. – Вы с вашей бубнящей подругой постарались. Ты никогда не задумывалась, почему я никого не приглашаю в дом? Очень просто: мне стыдно. Вот чем сегодня закончилось.

Я услышал, как Долли задохнулась.

– Прости, – пробормотала она еле слышно. – Ну пожалуйста. Мне всегда казалось, что у нас здесь есть свой угол и что мы тебе нужны. Но все будет хорошо, Верена. Мы уйдем.

Верена вздохнула:

– Бедняжка Долли. Бедная ты, бедная. Куда же вы уйдете? Чуть замедленный ответ был как полет мотылька:

– Я знаю место.

Позже я ждал в постели, когда придет Долли поцеловать меня на сон грядущий. Моя комната, находившаяся за гостиной, на отшибе, досталась мне в наследство от мистера Урии Талбо, отца семейства.

Верена перевезла его сюда, старого и слабоумного, с фермы, и в этой комнате он умер, не понимая, где находится. Хотя он умер десять или пятнадцать лет назад, запахи старицкой мочи и табака до сих пор не выветрились из матраса и чулана, где на полке лежало единственное его достояние, захваченное с фермы, – маленький желтый барабан. В мои годы он маршировал в полку южан, выбивая дробь и напевая. Долли рассказывала, что девочкой она любила просыпаться зимним утром под распевы отца, зажигающего камин в доме. А после его смерти она порой узнавала знакомые мелодии в пении ковыль-травы.

– Это ветер, – возражала Кэтрин.

На что Долли говорила:

– Ветер – это мы: он собирает и запоминает наши голоса, чтобы их потом подхватили полевые травы. Я слышала папу, точно тебе говорю.

В ту сентябрьскую ночь ветер, пробираясь сквозь упругую порыжевшую траву, высвобождал голоса ушедших, а среди них, возможно, и старика, в чьей постели я уже начинал задремывать. В какой-то момент я почувствовал, что Долли наконец ко мне пришла, и я проснулся, ощущая ее присут-

ствие, вот только было уже почти утро, пробивавшиеся лучи напоминали распускающиеся цветы, и где-то вдали запели петухи.

– Ш-ш-ш, Коллин, – прошептала Долли, склонившись надо мной. На ней был зимний шерстяной костюм и дорожная шляпа с вуалью, закрывавшей лицо. – Я только хотела тебе сказать, куда мы собираемся.

– В шалаш на дереве? – спросил я, решив, что мне это снится.

Долли кивнула:

– Да. Пока мы не определимся с нашими дальнейшими планами.

Увидев, что я не на шутку испугался, она накрыла мой лоб ладонью.

– Ты с Кэтрин? А как же я? – Меня пробил озноб. – Вы не можете меня бросить.

Ударили часы на городской ратуше; Долли словно ждала окончания боя, чтобы принять решение. Часы пробили пять, и еще не отзвенел последний удар, как я уже соскочил с кровати и начал быстро одеваться. Долли ничего не оставалось, кроме как напомнить:

– Не забудь расческу.

Кэтрин поджидала нас во дворе, согнувшись под тяжестью клеенчатой сумки. Глаза у нее опухли от слез; Долли же, на удивление невозмутимая и уверенная в своих действиях, ее успокоила:

– Кэтрин, не переживай, вот устроимся на новом месте и пошлем за твоими золотыми рыбками.

Мы на цыпочках прошли под закрытыми окнами Верены и молча выбрались за ворота. Нас облаял фокстерьер, а так на улицах не было ни души, и видеть нас мог разве что полуночничаящий заключенный из окна тюрьмы. В прерию мы ступили вместе с восходом солнца. Долина вуаль затрепетала на утреннем ветру. Пара фазанов, на чье гнездо мы случайно набрали, выскочила из-под ног, прибив своими стальными крыльями красную, как петушиный гребень, траву. Наша персидская сирень являла собой уже осеннюю чашу, зеленоватую с золотым отливом.

– Вот загремим и свернем себе шею, – пробурчала Кэтрин, когда мы полезли на дерево и на нас сверху обрушилась роса.

Глава вторая

Если бы не Райли Хендерсон, вряд ли кто-то узнал бы, во всяком случае так скоро, что мы живем на дереве.

Кэтрин принесла в клеенчатой сумке остатки воскресного ужина, и мы наслаждались на завтрак курицей и тортом, когда по лесу пронеслось эхо ружейного выстрела. Мы замерли с застрявшим в горле куском торта. Из-за деревьев сначала вынырнула натасканная на птиц, лоснящаяся охотничья собака, а за ней появился Райли Хендерсон с дробовиком через плечо и гирляндой истекающих кровью, связанных хвостами белок вокруг шеи. Долли опустила вуаль, словно желая спрятаться среди листвы.

Он остановился неподалеку и вскинул ружье в ожидании цели, отчего его настороженное загорелое молодежвое лицо сразу напряглось. Не выдержав напряжения, Кэтрин закричала:

– Райли Хендерсон, только в нас не стреляй!

Ствол дернулся, охотник задрал голову, и белки закачались, как слишком свободное ожерелье. Разглядев нас на дереве, он закричал:

– Привет, Кэтрин Крик. Привет, мисс Талбо. Что вы там делаете? Вас туда дикая кошка загнала?

– Просто сидим, – поспешно ответила Долли, словно опасаясь, что Кэтрин или я что-то не то ляпнем. – Богатый у

тебя урожай белок.

– Возьмите парочку. – С этими словами он отвязал двух. – Вчера мы ели на ужин, очень нежное мясо. Подождите, я вам их доставлю.

– Не надо, просто положи на землю.

Но он сказал, что набегут муравьи, и полез на дерево. Его голубая рубашка была в пятнах беличьей крови, и даже в жесткой шевелюре цвета дубленой кожи посверкивали красные капельки; от него пахло порохом, а его простодушное, правильное лицо было цвета корицы.

– Шалаш на дереве, обалдеть! – Он постучал каблуком по доскам, словно проверяя их надежность. И тут же получил отповедь от Кэтрин: еще несколько таких ударов, и от шалаша ничего не останется. – Это ты построил, Коллин? – спросил он, и я чуть не задохнулся от радости: он назвал меня по имени! Я-то думал, что Райли Хендерсон меня в упор не видит. А для меня он был о-го-го.

Ни о ком в нашем городе столько не говорили, сколько о Райли Хендерсоне. Люди постарше – со вздохами, а его более или менее сверстники вроде меня с восхищением выдыхали: «Ах, паршивец». Он позволял нам завидовать ему издалека, но любить его, дружить с ним – это ни-ни.

Про него все известно.

Родился он в Китае, где его отец, миссионер, был убит во время восстания. Его мать, Роза, уроженка здешних мест. Я ее никогда не видел, но люди говорят, она была красавицей,

пока не стала носить очки. А еще она разбогатела, получив от деда большое наследство. Из Китая она вернулась вместе с пятилетним Райли и его двумя младшими сестричками и поселилась в доме своего неженатого брата, мирового судьи Горация Холтона, тучного девственника с желтой, как айва, кожей. С годами Роза Хендерсон начала чудить: она пригрозила Верене судом за то, что та ей продала платье, севшее после первой стирки; в наказание маленького Райли она заставила его скакать по двору на одной ноге, повторяя вслух таблицу умножения, хотя в принципе смотрела сквозь пальцы на его шалости; когда же пресвитерианский священник попробовал наставить ее на путь истинный, то в ответ услышал, что она ненавидит своих детей и лучше бы они все умерли.

И ведь не шутила, так как в одно прекрасное рождественское утро она заперлась в ванной, чтобы утопить своих девочек; говорят, Райли сломал дверь топориком – непростая задача для десятилетнего мальчишки, или сколько там ему было. После этого Розу отправили в психиатрическую лечебницу на побережье Мексиканского залива, где она, возможно, живет и поныне – по крайней мере я не слышал, что она умерла. Райли же и дядя Гораций не могли ужиться вместе.

Как-то вечером он позаимствовал «олдсмобиль» Горация и рванул в клуб на танцы вместе с Мейми Кёртис. Она была настоящая молния и лет на пять старше Райли, которому на тот момент было не больше пятнадцати. Узнав, где они, Гораций попросил шерифа отвезти его в клуб; сказал, что

Райли арестуют и для него это будет хорошим уроком. Но Райли заявил шерифу, что арестовывать надо другого. Перед всей толпой он обвинил дядю в том, что тот прикарманил денежки Розы, предназначавшиеся для него и сестер. Он предложил им выяснить отношения на месте, а когда Гораций попробовал его осадить, он заехал дяде в глаз. Шериф посадил Райли в каталажку, но судья Кул, старый друг Розы, затеял расследование, и все подтвердилось: Гораций переводил деньги Розы на свой банковский счет. Дядя быстренько собрал вещички и укатил поездом в Новый Орлеан, где, как мы узнали несколько месяцев спустя, он, как священник, совершал романтические свадебные обряды под луной на прогулочном пароходе по Миссисипи.

Отныне Райли стал сам себе хозяин. На деньги, взятые в счет будущего наследства, он купил красный гоночный автомобиль и катал всех шлюх подряд по окрестностям; из приличных девушек в этой машине были замечены только его сестры, которых он вывозил по воскресеньям, чтобы медленно сделать почетный круг на городской площади. Они были прехорошенькие, но радостей на их долю выпало не много, так как он с них глаз не спускал и парни боялись к ним приблизиться. Дом убирала надежная цветная женщина, а так они жили втроем. Одна из сестер, Элизабет, училась в моем классе и получала сплошные пятерки. Райли же, хотя школу бросил, не якшался с бездельниками-бильярдистами, предпочитая охоту или рыбную ловлю. Будучи хорошим плотни-

ком, он много чего полезного сделал по дому, а как механик смастерил особый клаксон, напоминавший паровозный свисток, который просто разрывался по вечерам, когда Райли летел на танцы в соседний город. Я мечтал о нашей дружбе, почему нет, он ведь был всего на два года старше меня. Но, кажется, он заговорил со мной лишь однажды. Щеголеватый, в белой фланелевой паре, он зашел по дороге на танцы в нашу аптеку, где я субботними вечерами иногда работал на подхвате, и попросил «Тени»³, но я не знал, о чем идет речь, поэтому он зашел за прилавок и сам достал из ящика упаковку с добродушным смехом. Хуже не придумаешь: теперь он убедился в том, что я придурок, а значит мы никогда не станем друзьями.

– Съешь кусок торта, Райли, – сказала Долли.

Он спросил, всегда ли мы устраиваем пикник в такую рань, и одобрил эту идею.

– Все равно что ночное купание, – сказал он. – Я сюда прихожу, пока еще темно, и плаваю в речке. В следующий раз, когда устроите здесь пикник, дайте мне знать.

– Приходи хоть каждое утро, – сказала Долли, поднимая вуаль. – Какое-то время, я так думаю, мы здесь еще пробуем.

Райли наверняка счел это приглашение странным, однако промолчал. Он предложил сигареты, и Кэтрин взяла одну, получив замечание от Долли:

³ «Shadows» (англ. «Тени») – марка презервативов.

– Кэтрин Крик, ты же за всю жизнь ни разу не притронулась к табаку.

А та высказалась в том духе, что, возможно, она что-то упустила:

– Наверно, приятная штука, раз его все так расхваливают. Долли, сердце мое, в нашем возрасте нужны маленькие радости.

Долли прикусила губу.

– Что ж, пожалуй, в этом нет особого вреда, – сказала она и тоже взяла сигаретку.

Две вредные привычки способны свести мальчика с ума (по словам мистера Хэнда, поймавшего меня с окурком в школьной уборной), и от одной из них, сигарет, я отказался двумя годами ранее – не из страха, что они сведут меня с ума, а из опасения, что курение замедляет рост. Впрочем, на тот день Райли был уже не выше меня, хотя могло показаться иначе, поскольку он ходил по-ковбойски вальяжно, как такой неуклюжий верзила. Вот почему я взял сигаретку, и Долли, выпустив изо рта дым без затяжки, заметила, что нас всех стошнит; но никого не стошнило, и наутро Кэтрин объявила, что в следующий раз она хочет попробовать трубку, мол, трубочный табак такой ароматный. И тут Долли нас удивила: оказывается, Верена покуривала трубку, о чем я и не подозревал.

– Уж не знаю, как сейчас, но когда-то у нее была трубка и табакерка «Принц Альберт», куда она крошила половинку

яблока. Но об этом ни слова, – прибавила она для Райли, который напомнил о себе громким смехом.

Обычно, поймав на себе взгляды в толпе или за рулем, Райли напрягался, как бы готовый в случае чего ответить, а тут, в кроне персидской сирени, вид у него был расслабленный, лицо то и дело озаряла улыбка, как будто он хотел выказать нам дружеское расположение, если не стать нашим другом. Долли, со своей стороны, держалась непринужденно и радостно в его компании. Она его точно не боялась – возможно, потому, что мы сидели в шалаше, а шалаш был нашим домом.

– Спасибо за белок, сэр, – сказала Долли, видя, что он собрался уходить. – Приходи еще.

Он спрыгнул на землю.

– Вас подвезти? Моя машина стоит возле кладбища.

– Ты очень добр, но нам, в сущности, некуда идти, – ответила Долли.

Он с усмешкой вскинул дробовик и навел дуло на нас. Кэтрин закричала:

– По тебе розги плачут.

А он засмеялся и, помахав нам рукой, припустил вслед за своей разразившейся лаем охотничьей собакой. Долли весело сказала:

– А давайте еще по сигаретке! – (Пачку-то он оставил.)

К тому времени, когда Райли добрался до города, в воздухе уже жужжали новости, как рой растревоженных пчел:

эта троица сбежала из дома посреди ночи! Ни я, ни Кэтрин не знали о том, что Долли оставила записку, и Верена обнаружилась ее, когда пошла за утренним кофе. Если я правильно понял, смысл ее был в том, что мы уходим и больше Верену не побеспокоим. Та сразу же позвонила в отель «Лола» своему другу Моррису Ритцу, и они вдвоем отправились оповещать шерифа. Благодаря напору Верены он сразу включился в дело. Такой бойкий, нахрапистый парень с брутальной нижней челюстью и потупленным взором карточного шулера по имени Юний Кэндл (да-да, сегодня он сенатор!). Собрали поисковую партию, разослали телеграммы шерифам соседних городов. Спустя годы, когда недвижимое имущество Талбо пошло с молотка, на глаза мне попался оригинал телеграммы, кажется написанной рукой доктора Ритца: «Разыскиваются путешествующие вместе: Долли Августа Талбо, белая, 60 лет, желтовато-седые волосы, худощавая, рост 5 футов 3 дюйма, глаза зеленые, возможно, не в себе, но вряд ли представляет опасность, особая примета: любит кондитерские изделия, поэтому развешать объявления по пекарням. Кэтрин Крик, негритянка, выдает себя за индейку, около 60, беззубая, нечленораздельная речь, приземистая и грузная, физически развитая, представляет угрозу. Коллин Талбо Фенвик, белый, 16 лет, но выглядит моложе, рост 5 футов 7 дюймов, блондин, глаза серые, худой, сутулится, шрам в углу рта, от природы замкнутый. Все трое находятся в бегах». Они не могли далеко уйти, заявил на по-

что Райли, и начальница, миссис Питерс, тут же кинулась к телефону сообщить, что Райли Хендерсон видел нас в лесу неподалеку от кладбища.

А в это самое время мы мирно обустроивали наш шалаш. Из клеенчатой сумки Кэтрин достали розовато-золотистое одеяльце, колоду карт, мыло, рулоны туалетной бумаги, апельсины и лимоны, свечи, сковородку, бутылку ежевичного вина и две обувные коробки с едой. Кэтрин похвасталась, что унесла из подсобки все, что можно, не оставив «Этой» даже бисквита на завтрак.

Позже мы все пошли к ручью омыть ноги и лицо в холодной воде. В нашем лесу ручьев не меньше, чем прожилок на листике: чистые и говорливые, они изгибаются и впадают в речку, которая пробирается через лес, подобно зеленому аллигатору. У Долли вид был тот еще: по щиколотку в воде, в зимнем костюмчике, с подтянутой до колен юбкой и лезущей в лицо вуалью, назойливой, как туча комаров.

– Долли, зачем тебе эта вуаль? – спросил я.

А она:

– Разве дама, отправляясь в путешествие, не должна надевать дорожную вуаль?

Вернувшись на дерево, мы выпили чудесного оранжада и поговорили о будущем. Все, чем мы располагали, это сорок семь долларов наличными и какая-то ювелирка, прежде всего золотое колечко студенческого братства, найденное Кэтрин в свиных потрохах, которыми шпиговала сардельки.

За сорок семь долларов, сказала она, можно доехать автобусом куда угодно; кто-то из ее знакомых добрался до Мексики всего за пятнадцать баксов. Но Долли и я эту идею не поддержали: мы ведь не знаем языка. К тому же, сказала Долли, мы не должны покидать пределы штата, даже нашего леса, иначе как мы будем готовить настойку от водянки?

– Я вам так скажу, нам надо поселиться здесь. – Она огляделась вокруг с задумчивым видом.

– На старом дереве? – уточнила Кэтрин. – Даже не думай, сердце мое. – Тут ей пришла в голову новая мысль. – Ты помнишь, мы читали в газете про человека, который купил замок за океаном и по кусочкам перевез его сюда? Помнишь? Мы могли бы погрузить мой флигель в повозку и перевезти сюда. – На возражения Долли, что, дескать, флигель принадлежит Верене и не нам его увозить, Кэтрин заметила: – Ты, золотце, ошибаешься. Если ты кормишь мужчину, обстирываешь, рожаешь ему детей, то ты с этим мужчиной обручена, он твой. Если ты подметаешь в доме, поддерживаешь огонь, готовишь еду в печи, если ты все это делаешь с любовью, то ты с этим домом обручена, он твой. По мне, так оба дома в глазах Господа Бога принадлежат нам, а «Эту» мы вправе выставить за дверь.

У меня родилась идея: на речке стоит наполовину затопленный, позеленевший от воды, заброшенный плавучий дом; когда-то он принадлежал пожилому мужчине, зарабатывавшему на жизнь ловлей сома и изгнанному из города по-

сле официального запроса о женитьбе на пятнадцатилетней цветной девушке. Так почему бы нам не поселиться в плавучем доме, предварительно его обустроив?

На что Кэтрин ответила, что она бы предпочла прожить остаток дней на земле.

– Там, где поселил нас Господь.

Она перечислила и другие его замыслы, в том числе что деревья были предназначены для обезьян и птиц. Вдруг она замолчала и, наподдав нам локтями, с оторопью показала пальцем вниз, туда, где за лесом открывалась прерия.

Оттуда прямо к нам, с суровой торжественностью, направлялась представительная компания: судья Кул, преподобный Бастер и миссис Бастер, миссис Мейси Уилер, а впереди шериф Юний Кэндл в высоких ботинках на шнуровке и с болтающимся на бедре пистолетом. Подсвеченные солнцем пылинки кружились, как желтые мотыльки, ежевичные кусты цепляли идущих за накрахмаленную городскую одежду; вьющийся стебель хлестнул Мейси Уилер по ноге, и она с криком отпрыгнула назад. Я громко прыснул.

Услышав мой смех, они подняли головы, и на лицах появилось выражение озадаченности и ужаса, как если бы они пришли в зоопарк и по ошибке оказались в клетке. Шериф Кэндл вразвалку выдвинулся вперед с пальцем на курке, глаза – две щелки, словно щурился на солнце.

– Вот что... – начал он, но миссис Бастер его оборвала:

– Шериф, мы ведь договорились, что предоставим это его

преподобию. – Она твердо следовала правилу: первое слово, всегда и во всем, за ее супругом как представителем Господа.

Преподобный Бастер прочистил горло и потер руки – так жук потирает свои сухие антенны.

– Долли Талбо, – голос его зазвучал неожиданно зычно для такого тщедушного жилистого человечка, – я обращаюсь к вам от имени вашей сестры, женщины в высшей степени добродетельной...

– О да, – пропела его супруга, а миссис Мейси Уилер вторила ей как попугай.

– ...которая нынче пережила тяжелый удар.

– Еще какой, – эхом отозвались дамы хорошо поставленными голосами церковных хористок.

Долли взглянула на Кэтрин и тронула меня за руку, словно прося нас объяснить, чего от нее хотят собравшиеся внизу люди, напоминающие охотничьих собак, загнавших на дерево трех опоссумов.

Тут она зачем-то, видимо, чтобы чем-то занять пальцы, взяла сигарету из оставленной пачки Райли.

– Постыдились бы, – завизжала миссис Бастер, тряся лысоватой головкой; те, кто называл ее старым сычом, имели в виду не только ее характер: кроме хищной птичьей головки, она обладала приподнятыми плечами и объемистым телом. – Да, постыдились бы. Надо совсем забыть Бога, чтобы сидеть на дереве, точно пьяная индеанка, да еще курить сигарету, как обыкновенная...

– Шлюха, – подсказала Мейси Уилер.

– ...шлюха, пока ваша сестра лежит навзничь в полном отчаянии.

Может, не зря они описывали Кэтрин как опасную; она распрямилась во весь рост и выдала:

– Ты, преподобная, не смей называть нас шлюхами, а то вызовем копа, и он врежет тебе по твоим кривым ногам.

К счастью, никто из них не понимал, что она говорит, а то бы шериф прострелил ей голову, без преувеличений, и многие белые в городе одобрили бы его действия.

Долли казалась огорошенной, но сохраняла самообладание. Она отряхнула платье и сказала:

– Если вдуматься, миссис Бастер, то мы находимся ближе к Богу, чем вы... на несколько ярдов.

– Я рад за вас, мисс Долли. Прекрасный ответ. – Судья Кул поаплодировал и посмеялся, как благодарный зритель. – Разумеется, они ближе к Богу, – продолжил он, нимало не смущенный строгими лицами окружающих, смотревших на него с явным неодобрением. – Мы ведь на земле, а они на дереве.

Миссис Бастер взвилась:

– Я считала вас христианином, Чарли Кул. Настоящий христианин не должен насмеяться над другими и поощрять безумную.

– Кого вы называете безумной, Тельма? Это как-то не похристиански.

Тут огонь открыл преподобный Бастер:

– Ответьте мне, судья. Разве вы пошли с нами не для того, чтобы исполнить Божью волю во имя милосердия?

– Божью волю? – скептически переспросил его судья. – Вы про это знаете не больше моего. А если Бог повелел этим людям поселиться на дереве? По крайней мере признайтесь в том, что Он вам не приказывал снять их оттуда... или ваш бог – это Верена Талбо, во что, кажется, некоторые из вас искренне верят, не так ли, шериф? Нет, сэр, я пошел с вами для того, чтобы исполнить лишь только собственную волю, то бишь просто прогуляться – уж очень хорош лес в это время года. – Тут он нагнулся, чтобы сорвать отцветшие фиалки и вставить их в петлицу.

– К черту все это... – вмешался шериф, однако его сразу окоротила миссис Бастер, заявившая, что они не потерпят ругательств ни при каких обстоятельствах.

– Да, ваше преподобие?

И его преподобие поддержал ее:

– Да, черт возьми.

– Здесь решаю я. – Шериф, как такой задиристый мальчишка, выпятил нижнюю челюсть. – Это вопрос закона.

– Чьего закона, Юний? – тихо спросил его судья Кул. – Не забывай, что я председательствовал в суде двадцать семь лет, больше, чем ты прожил на этом свете. Так что ты поосторожней. У нас нет никаких законных претензий к мисс Долли.

Но шерифа это не остановило, и он залез на первую ветку.

– Давайте по-хорошему, – заговорил он вкрадчиво, обнажая свои кривые, как у собаки, зубы. – Спускайтесь всей компанией.

Мы продолжали сидеть, словно птицы в гнезде, и тогда он еще больше оскалится и сердито покачал ветку, как будто пытаясь нас вытряхнуть из укрытия.

– Мисс Долли, вы всегда были такая мирная, – заговорила Мейси Уилер. – Пойдемте домой, пожалуйста. Как раз успеете к ужину.

Долли дежурным тоном ответила, что мы не голодны.

– Правда ведь? – обратилась она к нам. И снова к Мейси Уилер: – У нас есть куриные ножки, если кто-то хочет.

– Вы усложняете мне задачу, мэм. – С этими словами шериф полез выше. Хрустнувшая под ним ветка заставила все дерево печально содрогнуться.

– Если он кого-то из вас хотя бы пальцем тронет, лягните его в голову, – посоветовал судья. – Или это сделаю я, – добавил он с галантной воинственностью.

Он подпрыгнул, не хуже азартной лягушки, и поймал шерифа за повисший в воздухе ботинок. А тот в свою очередь вцепился в мои лодыжки, и Кэтрин пришлось обхватить меня поперек туловища. Мы постепенно съезжали вниз. Сейчас мы все попадаем на землю, это ясно. Напряжение достигло пика. Тут Долли начала выливать шерифу за шиворот остатки оранжада, и он, громко выругавшись, вдруг выпустил мои ноги. Оба упали на землю, судья и сверху на него

шериф, а преподобный Бастер рядом с ними за компанию. В довершение катастрофы Мейси Уилер и миссис Бастер с вороньим граем слетелись на эту кучу-малу.

В ужасе от случившегося и своего участия Долли так растерялась, что выронила кувшин из-под оранжада, и тот изрядно приложил миссис Бастер по затылку.

– Простите, – пробормотала Долли, но в общем гвалте ее никто не услышал.

Постепенно куча-мала распалась, и теперь все в смущении стояли поврозь, осторожно себя ощупывая. Его преподобие как-то сник, но по крайней мере все кости целы, а вот миссис Бастер, у которой на лысоватой голове на глазах выростала шишка, было на что жаловаться. Что она и сделала, прямо и нелицеприятно:

– Долли Талбо, вы меня атаковали. Не отпирайтесь, вот мои свидетели, все видели, как вы запустили в меня тяжелым кувшином. Юний, арестуйте ее!

У шерифа, однако, были свои разборки. Он, подбоченясь, расхаживал, посматривая на судью, который в это время менял фиалки в бутоньерке.

– Не будь вы таким старым, я бы вам сейчас показал, где раки зимуют.

– Я не такой старый, Юний. Я стар ровно настолько, чтобы понимать: негоже мужчине распускать руки перед дамой, – ответил судья. Крупного телосложения, с мощными плечами и прямой осанкой, он не выглядел на свои семьдесят, я бы

ему не дал и шестидесяти. Он сжал кулаки, твердокаменные и волосатые, как два кокоса. – Но если вы готовы, то и я готов, – произнес он сурово.

Со стороны это воспринималось как равная схватка. И шериф уже не выглядел таким самоуверенным. Он сплюнул, но в этом не было вызова, и сказал:

– Никто не обвинит меня в том, что я ударил старика.

– Или в том, что приняли вызов, – подколот его судья Кул. – Давай-ка, Юний, руки в брюки и труси домой.

Шериф обратился к нам на дереве:

– Если вы не хотите неприятностей, быстро спускайтесь и пойдите со мной.

Никто даже не пошевелился, разве что Долли опустила свою вуаль, словно занавес: спектакль окончен. Миссис Бастер с торчащей на темени шишкой, похожей на рог, злое еще произнесла:

– Ничего, шериф. У них был шанс. – Она глянула на Долли, на судью и прибавила: – Наверно, думаете, что вам это так сойдет. Так вот, предупреждаю: вас ждет возмездие – не на небе, а здесь, на земле.

– Здесь, на земле, – вторила ей Мейси Уилер.

И все гуськом по тропинке торжественно зашагали прочь с высоко поднятой головой, своего рода свадебная процессия, пока не вышли на солнечную поляну, где их поглотила высокая рыжая ковыль-трава. Задержавшись под деревом, судья улыбнулся нам и с церемонным полупоклоном сказал:

– Кажется, кто-то предлагал желающим куриную ножку?

Он был весь как будто скроен из частей дерева: нос – су-чок, ноги – мощные старые корни, толстые, жесткие брови – кусочки коры. Свисавшие с верхних веток мшистые боро-дки серебрились, как его волосы, разделенные на прямой пробор, а листья росшего по соседству высокого сикомора, словно вырезанные из коровьей шкуры, были цвета его щек. Несмотря на острый взгляд кошачьих глаз, он производил впечатление человека застенчивого и немного провинциаль-ного. Судья Чарли Кул был не из тех, кто любит показуху, так что многие, злоупотребив его скромностью, сумели по-ставить себя выше его, вот только никто из них не мог похва-статься, в отличие от него, гарвардским дипломом или тем, что дважды побывал в Европе. Кое-кто, впрочем, возмущал-ся, считая его высокомерным: зачем это он по утрам, перед завтраком, прочитывал страничку греческого текста, зачем постоянно носил цветы в петличке? Что, как не гордыня, по-будило его, по их мнению, отправиться за будущей женой в Кентукки, вместо того чтобы выбрать ее из здешних бары-шень? Судейской жены я не помню, был слишком мал, ко-гда она умерла, поэтому полагаюсь на отзывы других. Итак: в том, что наш городок так и не смягчил своего отношения к Айрин Кул, несомненно, была ее вина. Женщины из Кен-тукки – крепкие орешки, взвинченные, озабоченные, и Ай-рин Кул, урожденная Тодд из Боулинг-Грин (Мэри Тодд, ее троюродная кузина, вышла замуж за Авраама Линкольна),

давала понять здешней публике, что они люди отсталые и вульгарные. Она не принимала у себя местных дам, а мисс Палмер, которая ее обшивала, рассказывала, как ее усилиями дом судьи превратился в образец вкуса и стиля с восточными коврами и антикварной мебелью. В церковь она ездила в автомобиле «пирс-эрроу» с наглухо задраенными стеклами, а в самой церкви сидела, зажав нос надушенным платочком: Христов запах был для Айрин Кул недостаточно хорош! Мало того, она не доверяла свою семью местным врачам, хотя сама была наполовину инвалидом: из-за смещения позвонков ей приходилось спать на досках. Ходили грубоватые шутки, что, мол, у судьи все тело в занозах. Как бы то ни было, он был отец двоих сыновей, Тогда и Чарльза-младшего, оба родились в Кентукки, где мать произвела их на свет, чтобы они были уроженцами «пырейного штата». Но голословно звучали утверждения, что судья нес тяжкое бремя нападков со стороны жены, что он был глубоко несчастным человеком и не умел настоять на своем; после ее смерти даже самые суровые критики вынуждены были признать, что старик Чарли по-настоящему любил свою Айрин. В последние два года ее жизни, когда она уже была серьезно больна и отличалась повышенной раздражительностью, он оставил должность окружного судьи и повез жену по местам, где прошел их медовый месяц. Домой она уже не вернулась; похоронили ее в Швейцарии. Не так давно Кэрри Уэллс, наша школьная учительница, побывала в Европе в рамках группо-

вого тура. Единственное, что связывает наш городок с далеким континентом, это могилы – американских солдат и Айрин Кул. Вооруженная фотоаппаратом, Кэрри решила побывать на всех могилах; целый день проблуждав по заоблачному кладбищу, она так и не нашла место захоронения судейской жены, и в голову закрадывается шальная мысль, что Айрин Кул, мирно покоящаяся на горном склоне, по сей день не желает никого принимать. Дома судью ничего не ждало, к власти пришли политики вроде Мейселфа Таллсапа и его команды, а эти ребята не могли допустить, чтобы в суде заседал Чарли Кул. Грустно было наблюдать за породистым мужчиной в приталенных костюмах, с нашитой на рукав траурной лентой и белой розой в петлице, все дела которого свелись к походу на почту или в банк, где работали его сыновья, благоприличные, чопорные джентльмены, похожие на двух близнецов: оба белокожие, как сахарное суфле, с опущенными плечами и водянистыми глазами. Чарльз-младший, облысевший еще в колледже, был вице-президентом банка, а Тодд – главным кассиром. Единственное, что у них было общего с отцом: оба женились на женщинах из Кентукки. Невестки, прибрав дом к рукам, разделили его на две квартиры с отдельным входом, и старый судья жил то в одной семье, то в другой. Неудивительно, что ему захотелось прогуляться в лес.

– Спасибо, мисс Долли, – сказал он, вытирая рот тыльной стороной ладони. – Такую чудесную куриную ножку я ел

только в детстве.

– Куриная ножка – это ничто в сравнении с вашей отвагой. – Голос Долли по-женски задрожал, что показалось мне неподобающим, недостойным. И видимо, не только мне, потому что Кэтрин поглядела на нее с укором. – Может, еще что-нибудь? Кусок торта?

– Спасибо, мэм, но с меня довольно. – Он отделил от жилетки золотые часы на цепочке, которую обмотал вокруг крепкой ветки. Часы повисли на ней, как рождественское украшение, и легчайшее, как перо, тиканье можно было принять за биение сердца какого-то крошечного существа вроде светлячка или лягушонка. – Когда слышишь ход времени, твой день растягивается. Я пришел насладиться долгим днем. – Он пригладил мех свернувшихся в углу белок, казавшихся спящими. – Точнехонько в голову, хорошо стреляешь, сынок.

Пришлось прояснить, кто на самом деле заслужил лавры.

– А, значит, Райли Хендерсон? – И судья поведал нам, что это Райли раскрыл секрет нашего местопребывания. – А до того они успели разослать телеграмм на добрую сотню баксов. – Эта мысль явно доставила ему удовольствие. – Не иначе как Верена слегла из-за всех этих трат.

Долли нахмурилась:

– В их безобразном поведении нет ни малейшего смысла. За что они готовы были нас убить, я не понимаю, и какое это все имеет отношение к Верене? Она знала, что мы решили

оставить ее в покое, я же ей говорила, даже записку оставила. Судья, вы сказали, что Верена больна? Но она никогда не болела.

– Ни дня, – подтвердила Кэтрин.

– Она, конечно, расстроена, – сказал судья не без удовлетворения. – Но Верена не из тех женщин, которых нельзя вылечить аспирином. Я помню, как она хотела реорганизовать кладбище и воздвигнуть мавзолей для себя и всех Талбо. Ко мне тогда подошла одна из местных дам со словами: «Судья, вам не кажется верхом ненормальности желание Верены Талбо выстроить себе огромную усыпальницу?» Я ей ответил: «Единственное, что я нахожу ненормальным, это ее готовность потратить деньги, хотя она ни на секунду не верит в то, что когда-нибудь умрет».

– Мне не нравятся сплетни о моей сестре, – резко отозвалась Долли. – Она хорошо потрудилась и заслуживает награды. Это наша вина, мы не оправдали ее ожиданий, и нам нет места в ее доме.

Кэтрин заработала челюстями, перемалывая ватные тампоны, словно жевательный табак.

– Это говоришь ты, сердце мое, или фарисейка? Ты должна рассказать нашему другу всю правду, как «Эта» и ее еврейчик хотели украсть нашу лечебную настойку...

Судья попросил перевести, но Долли сказала, что не стоит повторять глупости, и, меняя тему, спросила, умеет ли он свежевать белок. Задумчиво кивнув, он устремил взгляд

своих желудевых глаз поверх наших голов на отороченные небесной синью, мотающиеся под ветром листья.

– Возможно, никому из нас нет места в этом мире. Но мы-то думаем, что есть, и если его найдем, то будем себя считать счастливейшими людьми, пусть лишь на одно мгновение. Может, это и есть ваше место. – Он задрожал, как будто раскрывшиеся в небе крылья отбросили на него знобкую тень. – И мое.

Незаметно, пока золотые часы с легким тиканьем накручивали время, день склонился к сумеркам. Речной туман и осенняя дымка тянули полоску света среди бронзовеющих и синеватых деревьев, а бледное заходящее солнце окружал холодный нимб, предвестник зимы. Судья не спешил нас покинуть.

– Две женщины и подросток, ночью, одни? Пока Юний Кэндл и другие придурки замышляют невесть что? Я остаюсь с вами.

Если кто-то из всей четверки нашел свое место на дереве, так это судья. Наблюдать за ним было одно удовольствие: радостно дрожащий, как нос у зайца, снова чувствующий себя не просто мужчиной, а нашим покровителем. Вооружившись складным ножом, он освежевал белок, пока я в сумерках собирал хворост и разжигал костер под деревом. Кэтрин уже приготовила сковородку, а Долли открыла бутылку ежевичного вина, оправдав это вечерним похолоданием. Беличье мясо оказалось очень даже нежным, и судья не

без гордости заметил, что когда-нибудь мы оценим жареного сома в его приготовлении. Мы молча потягивали вино, вдыхая дымок остывающего костра, вызывавшего в памяти другие осенние вечера, и вздыхали от пения травы, чем-то напоминавшего морской прибой. В пустой консервированной банке мерцала горящая свеча, и роившиеся над пламенем непарные шелкопряды, казалось, оседлали желтоватый шлейф, поднимавшийся среди черных веток.

Вдруг, даже не шаги, а смутная реакция на вторжение; возможно, просто вышла луна. Но не было ни луны, ни звезд. Непроглядная темень, что твое ежевичное вино.

– По-моему, там появился кто-то или что-то, – сказала Долли, выразив общие ощущения.

Судья поднял свечу. Ночные ползуны шарахнулись от косяка света, белая сова пролетела меж деревьев.

– Кто идет? – спросил он с воинственностью караульного. – Кто идет, отвечай!

– Я, Райли Хендерсон. – В самом деле, он отделился от густой тени, и его запрокинутая ухмыляющаяся физиономия казалась перекошенной и злобной в отблесках свечи. – Вот, решил посмотреть, как вы тут поживаете. Надеюсь, вы на меня не в обиде. Если б я знал всю подноготную, ни за что бы не сказал, где вы скрываетесь.

– Никто тебя, сынок, не винит, – сказал судья, и я вспомнил, что именно он выступил в защиту Райли против дяди Горация Холтона, так что они нашли общий язык. – Мы тут

решили пригубить вина, и, я уверен, мисс Долли будет только рада, если ты к нам присоединишься.

Кэтрин пробурчала, что нам и так тесно, и вообще, еще одна лишняя унция, и старые доски подломятся. Однако мы как-то ужались и освободили для него местечко. Но стоило Райли к нам протиснуться, как Кэтрин тут же вцепилась ему в волосы.

– Это тебе за то, что ты в нас целился, хоть тебя и предупреждали. А это... – Она еще раз дернула его за вихор и достаточно внятно выговорила: – Это тебе за то, что науськал на нас шерифа.

По мне, так Кэтрин совсем распоясалась, но Райли только добродушно побряхтывал с прибауткой, что ей еще будет кого потаскать за волосы и даже с ббольшим основанием. Городок наш гудит, люди толпами собираются, особенно же раскипятились его преподобие и миссис Бастер; последняя, сидя на крыльце, демонстрирует гостям огромную шишку на темечке. А шериф Кэндл уговорил Верену, что надо выписать ордер на наш арест на том основании, что мы украли ее собственность.

– Судья, – мрачно и несколько озадаченно подытожил Райли, – они даже вас хотят арестовать. За нарушение общественного порядка и создание препятствий для представителя закона. Может, я не должен вам этого говорить, но возле банка я столкнулся с вашим сыном Тоддом. Я его спросил, что он собирается делать... ну, то есть если вас арестуют...

и он ответил: «Ничего». Сказал, что они чего-то такого ожидали и что вы это сами накликали.

Судья наклонился и задул свечу; лицо его приняло выражение, которое он пытался от нас скрыть. В наступившей темноте кто-то заплакал, и быстро стало понятно, что это Долли, а ее всхлипы породили волну общей любви, и она, совершив круг, связала нас воедино. Наконец судья тихо произнес:

– Мы должны быть готовы к их приходу. Вот что я вам скажу...

Глава третья

– Чтобы себя защищать, надо правильно оценивать ситуацию – таково главное правило. Итак, что свело нас вместе? Беда. Мисс Долли и вы двое попали в беду. Ты, Райли, и я – мы оба в беде. Наше место на дереве, иначе бы мы здесь не оказались. – Долли молча слушала уверенный голос судьи, а он продолжал: – Еще сегодня днем, когда я отправился сюда с шерифом и компанией, я полагал, что моя жизнь пройдет сама по себе, не оставив следа. Сейчас я думаю, что мне повезет больше. Мисс Долли, сколько мы знаем друг друга? Пятьдесят, шестьдесят лет? Я еще помню застенчивую краснеющую девочку, которая приезжала в город в отцовской повозке и отказывалась сойти, а то мы, городские, увидим, что вы босая.

– У них-то были башмаки. У Долли и у «Этой», – прощамкала Кэтрин. – Это я сидела босая.

– Столько лет знакомы, но я вас не знал, только сегодня понял, кто вы есть: воплощение духа, язычница...

– Язычница? – переспросила Долли с тревогой, но не без интереса.

– Как минимум, воплощение духа, непонятного для простого глаза. Такие люди принимают жизнь со всеми ее различиями – и, как следствие, постоянно попадают в беду. Я, например, зря пошел в судьи и в результате слишком ча-

сто принимал не ту сторону: закон не признает различий. Помните старину Карпера, рыбака, жившего на реке в плавучем доме? Он был изгнан из города за то, что захотел взять в жены юную цветную девушку... сейчас она, кажется, работает у миссис Постум. Она ведь его любила, я за ними наблюдал во время рыбалки: вот оно, счастье; она была для него тем, чем не была для меня ни одна женщина: единственной на свете, той, от кого нет секретов. А при этом, если бы свадьба состоялась, шериф был бы обязан его арестовать, а я осудить. Иногда мне представляется, что те, кого я признал виновными, настоящую вину взвалили на меня; может, еще и поэтому для меня так важно, пока я жив, оказаться на стороне правого.

– Вы на стороне правой. «Эта» и ее еврей...

– Ш-ш-ш, – осадила подругу Долли.

– Единственной на свете? – повторил Райли слова судьи с вопросительной интонацией.

– В смысле, перед кем не надо таиться, – пояснил судья. – Может, я олух, что о таком мечтаю? Но сколько же сил трагитим мы на скрытничанье из опасения быть опознанным. И вот нас опознали: пятеро шутов на дереве. Это ли не удача, если правильно ею воспользоваться. Можешь уже не беспокоиться о том, как ты выглядишь в чужих глазах; разбирайся, кто ты есть, как свободный человек. Главное, знать, что никто тебя не уберет с твоего законного места. Это от неуверенности в себе люди сговариваются, чтобы отрицать различие

ния. В прошлом мало-помалу я сдавался на милость незнакомцев, сходявших по трапу, покидавших вагон на следующей остановке... соедини их вместе, и как знать, не составится ли обобщенный человек с множеством лиц... вон же он, многоликий, разгуливающий по всему городу. И вот мне выпадает шанс найти того, кого я искал, – вас, мисс Долли, тебя, Райли, всех вас.

– Это я многоликая? – выступила Кэтрин. – Я вам что, кафельный пол в цветную клетку?

Ее слова возмутили Долли:

– Не можешь говорить в уважительном тоне, лучше ложись спать. А что мы должны друг другу рассказывать? – обратилась Долли к судье. – Секреты? – спросила она невпопад.

– Секреты? Нет-нет. – Судья чиркнул спичкой и вновь зажег свечу; в его выплывшем на нас лице неожиданно проглянуло что-то жалостное: он обращался к нам с мольбой о помощи. – Расскажите о безлунной ночи. Не так важны слова, как доверие, с которым они произносятся, и симпатия, с какой воспринимаются. Например, с Айрин, моей женой, необыкновенной женщиной, у нас было столько общего, а все же мы не складывались в одно целое, не было контакта. Она умерла у меня на руках, и мои последние слова были: «Ты счастлива, Айрин? Я сделал тебя счастливой?» «Счастливой счастливой счастливой», – ее последние слова прозвучали уклончиво. Я так и не понял, это было утверждение

или просто эхо моих слов. А должен бы понять, если б знал ее по-настоящему. Или мои сыновья. Удручительно, как они меня оценивают, а ведь мне это было важно – не как отцу, как человеку. Увы, им кажется, что они уличили меня в чем-то постыдном. Сказать вам в чем? – Его бесстрашные глаза в свечной огранке останавливались на каждом из нас, словно проверяя степень нашего внимания, нашего доверия. – Пять лет назад, если не все шесть, я сел в поезд на место, где кто-то оставил детский журнал. Я начал его листать и на задней обложке обнаружил адреса детишек, желавших переписываться со своими сверстниками. Мое внимание привлекло имя девочки на Аляске. Хизер Фоллз. Я ей послал видовую открытку – ну что такого, вполне безобидный и доброжелательный поступок. Ее быстрый ответ меня, признаться, поразил: на редкость осмысленный рассказ о жизни на Аляске, очаровательные описания отцовского ранчо с овцами, северного сияния. Ей было тринадцать, и она вложила свою фотографию; хорошенькой я бы ее не назвал, но умная и добрая девочка. Порывшись в старых альбомах, я нашел невыцветший кодаковский снимок: пятнадцатилетний, во время рыбалки, стою на солнце с выловленной форелью в руке. Я написал ей от имени того паренька, рассказал о подаренном мне на Рождество пистолете, о том, как мы называли недавно появившихся щенят, описал представление заезжего цирка шапито. Снова быть подростком и иметь зазнобу на Аляске – совсем неплохо для одинокого старика, слышащего только

тиканье настенных часов. Позже она сообщила, что влюбилась в какого-то знакомого, и я испытал настоящий укол ревности, свойственный подростку, но мы остались друзьями. Два года назад, когда я ей написал, что поступаю на юридический, она мне прислала золотой самородок «на удачу». – Он вытащил его из кармана, чтобы показать нам, и мы ее сразу так ясно увидели, эту Хизер Фоллз, как будто светящийся камешек у него на ладони был частичкой ее сердца.

– И они сочли это постыдным? – спросила Долли, скорее заинтригованная, чем возмущенная. – Что вы поддержали одинокого ребенка на Аляске? Там такая долгая снежная зима.

Судья Кул зажал в кулаке самородок.

– Мне они ничего не сказали, но я слышал, как они это обсуждали между собой, мои сыновья и их жены: что со мной делать? Они прочитали письма. Я не привык ничего запираť в столе; было бы странно пользоваться ключами в собственном доме, пусть даже в бывшем. Они увидели в этом признак... – Он покрутил пальцем у виска.

– Я тоже один раз получила письмо. Коллин, дружок, налей-ка мне. – Кэтрин показала на вино. – Ага, настоящее письмо, до сих пор где-то валяется, двадцать лет все думаю, кто ж его написал. «Привет Кэтрин. Приежай в Майами и выходи за меня. Твой Билл».

– Кэтрин, тебя позвали замуж и ты мне ничего не сказала?
Кэтрин повела плечом:

– Сердце мое, ты слышала судью? Не все надо рассказывать. Да и много было всяких Биллов, и ни за одного я бы не пошла. Вот только в толк не возьму, который же из них это написал. А хотелось бы знать, от кого я получила одно-единственное письмо. Может, это Билл-кровельщик? Он столько провозился с моей крышей... Господи, старость не радость, я ведь про него совсем забыла. А еще Билл-садовник... какие ровненькие грядки он делал в тринадцатом году! Еще один Билл строил нам курятник, а потом уехал на пульмановский завод. Может, это он мне написал? Или Билл... нет, его звали Фред... Коллин, дружок, ох и сладкое же вино.

– Пожалуй, я тоже выпью самую малость, – сказала Долли. – После того как Кэтрин сделала такое впечатляющее... Та довольно промычала.

– Если бы вы говорили помедленнее или жевали поменьше... – Судья решил, что Кэтрин балуется снюсом.

А вот Райли словно ушел в себя – весь как-то сник и уставился во тьму с живыми голосами. «Я, я, я!» – кричала какая-то птица.

– Вы ошибаетесь, судья, – вдруг сказал он.

– Это в чем же, сынок?

На лице Райли изобразилось беспокойство, которое у меня с ним всегда ассоциировалось.

– Я не нахожусь в беде. Я никто... или в этом и состоит моя беда? По ночам я лежу и думаю: чем я занимаюсь? Хо-

жу на охоту, гоняю на машине, кадрию девчонок. И больше ничего в моей жизни не будет? От этой мысли становится страшно. И еще: я не испытываю никаких чувств – ну, только к сестрам, но это другое. Вот, например, я целый год встречался с девушкой из Рок-Сити, мой самый затяжной роман. Неделю назад она сорвалась: «У тебя нет сердца! Если ты меня не любишь, мне конец!» Я тормознул прямо на переезде. «Ладно, – говорю, – давай посидим, скорый будет минут через двадцать». Мы смотрели друг на друга, и я думал: какое гадство, гляжу я на тебя и не испытываю ничего, кроме...

– Тщеславия? – подсказал судья.

Райли не стал отрицать.

– Если б мои сестры могли сами о себе позаботиться, пусть бы нас переехал поезд. – (От этих его слов у меня сделался спазм в животе. «Хочу быть, как ты!» – вертелось на языке.) – Вот вы говорили про «единственную на свете». Почему та девушка не стала такой в моих глазах? Было бы здорово, скверно же одному. Если б я кем-то по-настоящему увлекся, я бы, может, купил участок земли рядом с домом пастора и там что-то построил. Но сначала мне надо угомониться.

Ветер срывал листья, застигнув их врасплох, раздвинул ночные облака, и небесные светила обрушили на землю ярчайший водопад. Словно смущенная этой звездной иллюминацией, наша свеча опрокинулась, и нам открылась запоздалая зимняя луна, такой снежный ломоть, манящий к себе

ближних и дальних существ, горбатых луноглазых лягушек, визгливого дикого кота.

Кэтрин вытащила розовое лоскутное одеяло и настояла на том, чтобы Долли в него завернулась, затем обвила меня руками и почесывала мне голову, пока я не уткнулся ей в грудь.

– Замерз? – спросила она, и я еще теснее к ней прижался. Она была теплая, уютная, как старая кухня.

– Вот что я тебе скажу, сынок, – заговорил судья, поднимая воротник пальто. – Тебя немного занесло. Как можно увлечься одной девушкой? Ты можешь увлечься одним листиком?

Вслушиваясь в крики дикого кота с беспокойно бегающими глазами охотника, Райли принялся ловить порхающие, как бабочки, листы, и один из них, живой, затрепетал у него между пальцев, словно пытаюсь вырваться и улететь. Судья тоже поймал один лист, и тот почему-то выглядел куда более ценным у него, чем у Райли. Нежно прижав его к щеке, он произнес несколько отстраненно:

– Мы говорим о любви. Начни с листа, с горстки семян и узнай, что значит любить. Сначала древесный лист, капля дождя, а уж потом тот, кто примет все, чему тебя научил лист, что настоялось благодаря дождевой капле. Учти, дело не простое, может уйти целая жизнь, как в моем случае, и ведь я так и не освоил эту науку, знаю лишь одно: любовь – это цепочка привязанностей, так же как природа – это цепочка жизней.

– Значит, я всю жизнь любила, – сказала Долли и задохнулась, вся уйдя в одеяло. – Или нет? – Голос вдруг оборвался. – Наверное, нет. Я ведь никогда не любила, – пока она подыскивала слово, ветерок играл ее вуалью, – мужчине. Не подвернулся подходящий... если не считать папы. – Она замолчала, словно испугавшись, что сболтнула лишнего. Звездная ткань плотно окутала ее вторым одеялом. Что-то, то ли лягушачий хор, то ли голоса травы, звали ее за собой, подталкивали к откровению. – Зато я любила все остальное. Например, розовое. Мне, ребенку, подарили один цветной карандаш – розовый, и я рисовала розовых кошек, розовые деревья... тридцать четыре года прожила в розовой комнате. У меня была коробка... она где-то на чердаке, надо попросить Верену, чтобы ее отдала... приятно будет снова увидеть свои первые радости... Что там на дне? Высохшие соты, осиное гнездо, апельсин, утыканный зубчиками чеснока, яйцо сойки... Как я все это любила, и моя любовь носилась птицей над полем с подсолнухами. Но такие вещи лучше не показывать. Зачем людей обременять? Уж не знаю почему, но они только расстраиваются. Верена меня ругает за то, что я, как она говорит, закрываюсь от посетителей, а я просто боюсь их испугать своей радостью. Взять, например, жену Пола Джимсона. Если помните, когда он заболел и уже не мог разносить газеты, она взяла это на себя. Несчастливая худышка, как только она этот мешок на себе тащила! В один морозный день поднимается она на наше крыльцо – из но-

са течет, под глазами замерзшие слезинки – и кладет газету. Подожди, говорю, и собираюсь вытереть ей слезы носовым платком. Я хотела сказать, что мне ее жалко и что я ее люблю, но не успела я до нее дотронуться, как она с криком отпрянула и кубарем слетела со ступенек. После этого случая она всегда бросала газеты с улицы, и всякий раз, когда они шлепались на крыльцо, у меня внутри все обрывалось.

– Жена Пола Джимсона... было бы из-за чего волноваться! – Кэтрин покатала во рту остатки вина. – У меня вот аквариум с золотыми рыбками; так что, раз я их люблю, значит я должна любить весь мир? Вот так любовь, ха! Говорить можно что угодно, но вытаскивать на свет божий то, о чем лучше забыть, – нет уж, это только во вред. Свое держи при себе. Нутряное твоё сокровище. Если выбалтывать все свои тайны, что от тебя останется? Судья говорит, нас здесь собрала беда. Глупости! Все гораздо проще. Первое, наш шалаш. Второе, «Эта» вместе со своим евреем пытаются украсть наше кровное. И третье, вы здесь потому, что вам так захотелось, нутро подсказало. Только не мне. Я не могу без крыши над головой. Сердце мое, ты бы поделилась с судьей одеялом, а то он дрожит как цуцик, словно уже Хеллоуин.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.